

— Сын, проводи Хань Дуна в больницу на осмотр, — в тусклом свете уличных фонарей Су Вэньгэ выудил из кармана деньги и протянул Су Цзиню. — Возьми, если не хватит — дома добавлю.

— Ладно, — кивнул тот. — Пошли, Дун-цзы.

Хань Дун мельком глянул на натруженные, мозолистые ладони Су Вэньгэ, и на душе у него заскребли кошки.

— Дядь Су, заберите. У меня свои есть.

— Оставь себе. Проверься как следует, чтобы заражения не было, — отец Су похлопал парня по плечу. — Ну, я домой. Заходи к нам, как время будет.

В памяти Хань Дуна Су Вэньгэ всегда оставался человеком немногословным, но удивительно добрым. Именно таким — тихим и надежным — он всегда представлял себе идеального отца.

Для Лян Циня же, который рос на глазах у Су Вэньгэ, этот человек когда-то был воплощением щегольства и лихости. Всё изменилось после того случая с Су Мо: он замкнулся, помрачнел и всю свою молодость положил на то, чтобы в одиночку тянуть семью.

— Су Цзинь, везёт тебе, — глядя вслед уходящему отцу, негромко произнёс Хань Дун. — Мировой у тебя мужик.

— Я тоже завидую, — вставил Лян Цинь, а когда все трое обернулись к нему, смущённо почесал в затылке. — Да я вообще не знаю, каково это — когда есть отец.

— Всё, хватит болтать, погнажи в больницу, — прервал их Су Цзинь. — Сяо Мо, ты домой не идешь?

Су Мо мельком взглянул на Хань Дуна — ни кивка, ни жеста. Тот сразу перехватил инициативу и бесцеремонно закинул руку парню на плечо. Су Мо дернулся, хотел скинуть, но Хань Дун прижал его только крепче.

— Не надо в больницу. У меня дома всё есть, сам перевяжу.

— А если инфекция? — нахмурился Су Цзинь.

— Не сдохну. Пойдёмте лучше ко мне, не хочу один сидеть.

— Как скажешь, Третий брат, — согласился Су Цзинь.

Остальные удивленно уставились на него.

— Да ладно вам, я теперь его искренне за лидера признаю, — оправдался он. — Вы бы видели, Сяо Мо, как Дун-цзы сегодня рубился. Это было нечто!

Су Мо и без чужих слов чувствовал эту мощь. Хань Дун прижал его к себе, словно стальной обруч, не дающий сбежать. Но, как ни странно, это ощущение ему даже нравилось. Слово они и правда были... братьями.

Когда четверка дошла до дома, у подъезда уже стояла женщина. В дорогой одежде, с красивым, ухоженным лицом и глубоким взглядом — глазами она была удивительно похожа на сына.

— Мам, — позвал Хань Дун.

Су Цзинь и Лян Цинь вежливо поздоровались.

Мэн Синь пыталась сохранить невозмутимый вид перед подростками, но, увидев окровавленную руку сына, сорвалась.

— Господи, Дун-цзы, что с рукой? Дай посмотрю!

Стоило ей коснуться его, Хань Дун зашипел от боли:

— Всё нормально.

— Какое там «нормально»! Живо в больницу! — Она покраснела и схватила его за рукав, пытаясь утащить за собой.

Хань Дун мягко, но настойчиво отстранился.

— Мама, послушай меня.

Она взглянула на его опухшее лицо, и заплакала.

— Это он, да? Он тебя ударил?

— Нет. — Хань Дун вытащил ключи, кинул их Су Цзиню и кивком велел парням заходить в дом.

Когда дверь за друзьями закрылась, он положил руки матери на плечи. Его низкий голос

заметно подрагивал:

— Мам, подавай на развод. Прошу тебя.

Мэн Синь закусила губу, глотая слёзы.

— Нет. Эту компанию мы поднимали вместе. Я не собираюсь отдавать её какой-то дешевой подстилке. Буду сидеть и ждать, пока он сам не сгниёт. Я от него не отстану.

— И ради чего такая жизнь?

— Смысла нет, Хань Дун. Но и выбора у меня тоже нет.

Сын только тяжело вздохнул. Он искренне не понимал, зачем цепляться за брак, в котором давно не осталось даже тени любви.

— Тётушка ушла? — спросил Су Цзинь, когда Хань Дун зашел в квартиру.

— Угу, — буркнул тот. Настроение было паршивым настолько, что он перестал чувствовать даже боль в руке. — Я в спальню, спать охота.

— А рука? — напомнил Лян Цинь.

— Да пофиг, завтра разберусь.

— Пусть лучше Сяо Мо посмотрит, — предложил Лян Цинь. — У нас руки из задницы, мы только хуже сделаем.

Су Цзинь глянул на брата:

— Справишься?

Су Мо помедлил, взял аптечку и молча ушел в спальню. Остальные двое отправились в душ.

Хань Дун лежал на кровати, прикрыв глаза. Измотанный физически и морально, он тяжело вздыхал, пока не почувствовал прохладные пальцы на своей руке. Су Мо разматывал промокшую насквозь марлю.

Он открыл глаза. Су Мо сидел на корточках у кровати, сосредоточенно возясь с бинтами. Когда повязка была снята, открылась глубокая, рваная рана между большим и указательным пальцем. Выглядело жутковато.

Су Мо поднял на него взгляд, его длинные ресницы дрогнули. Хань Дун даже не смотрел на рану — он во все глаза разглядывал парня.

— Слушай, Сяо Мо, а у тебя есть кто на примете? Кто тебе вообще нравится?

Рука Су Мо дрогнула, и ватная палочка с антисептиком ткнулась прямо в открытую рану. Хань Дун взвыл, на лбу выступил пот.

— Эй, ну я же просто спросил! Не хочешь — не отвечай, зачем сразу пытаться-то? Ты жестокий человек, Су Мо. Сердца у тебя нет.

Су Мо едва сдержал улыбку. Этот жалобный тон совершенно не вязался с образом крутого парня. С другой стороны, его еще никто и никогда не спрашивал о подобном. Он поднял глаза на Хань Дуна: тот выглядел до смешного обиженным.

— А знаешь, какие нравятся мне?

Су Мо отрицательно мотнул головой, продолжая аккуратно бинтовать ладонь «молодого господина».

— Люблю беленьких, — вкрадчиво начал Хань Дун. — Чтобы талия тонкая, задница подтянутая и ноги длинные.

Су Мо стало неловко от таких подробностей про женщин, но внезапно он поймал себя на мысли, что и кожа у него белая, и ноги... Хань Дун вдруг усмехнулся:

— Ну и грудь чтоб была побольше.

Су Мо презрительно фыркнул. Обычный кобель.

— На самом деле, когда я был мелким, отец меня любил, — внезапно сменил тон Хань Дун. — Не знаю, в какой момент он стал таким тираном. Честно говоря, даже после всех этих побоев и его гулянок... я его не ненавижу.

Су Мо не успевал за переменами в его настроении. Секунду назад он пошлил, а теперь от него веяло такой тоской, что слова утешения застревали в горле. Впрочем, Хань Дуну утешение и не требовалось — ему просто нужен был слушатель.

— Уговариваю мать развестись — ни в какую. Но ведь такая жизнь — дерьмо. Скучно, тошно, одни скандалы. — Хань Дун уставился в потолок, наслаждаясь тишиной и присутствием Су Мо.
— Ладно, маленькая красавица, я спать. Завтра утром куплю тебе говяжьих лепешек «хошао».

Су Мо уже занес руку, чтобы отвесить ему подзатыльник, но, увидев, что парень закрыл глаза, передумал. Он закончил с повязкой и принялся осторожно обрабатывать лекарством распухшую скулу Хань Дуна.

Вблизи он его ещё не рассматривал. Сейчас, в покое, Су Мо залюбовался: густые брови, высокая переносица и губы с четким, почти холодным контуром, в котором чувствовалась скрытая сексуальность.

Красивый парень. И харизмы хоть отбавляй — неудивительно, что девчонки за ним бегают.

Су Мо засмотрелся и не заметил, как в комнату заглянул брат.

— Сяо Мо, ты чего?

Парень вздрогнул, у него мгновенно вспыхнули уши.

«Лицо ему мазал», — поспешно знаками ответил он.

— А, закончил уже?

Су Мо кивнул и так резко подорвался, что опрокинул аптечку. Лекарства рассыпались по полу, а уши парня стали пунцовыми. Он чувствовал себя ужасно глупо.

Бросился собирать пузырьки, но Су Цзинь подошел ближе:

— Давай я сам, иди отдыхай.

В комнате стало тихо. Спящий Хань Дун перевернулся на бок и на мгновение приоткрыл один глаз, глядя в окно.

— Тут всего две спальни, мы втроем на одной кровати не поместимся, — рассуждал в гостиной Лян Цинь.

— Это точно, — согласился Су Цзинь.

Су Мо огляделся. Квартира была шикарной.

«Я на диване лягу, он огромный», — показал он брату.

— Нельзя, осень на дворе, под утро замерзнешь, — Су Цзинь глянул в сторону спальни Хань Дуна. — Лян, может, ты с Дун-цзы ляжешь? У него кровать королевская.

— Ну уж нет, — отрезал Лян Цинь. — У него настрой дерьмовый, я в такой атмосфере не усну.

— Тогда я пойду к нему, а ты спи с Сяо Мо.

Лян Цинь украдкой глянул на Су Мо, который рассматривал цветы на подоконнике.

— Нет, — шепотом ответил он. — Я рядом с ним задохнусь.

Он никогда не считал Су Мо инвалидом. Напротив, немота парня казалась ему каким-то запредельным высокомерием. Су Мо был слишком «холодным», и находиться с ним наедине Лян Циню было попросту страшно.

Су Цзинь закатил глаза:

— Да с кем тогда ты ляжешь?!

— С тобой. С тобой проще всего.

Су Мо обернулся и вопросительно взглянул на Лян Циня: «Ты предлагаешь мне лечь с Хань Дуном?»

— Ну да, — Лян Цинь, заметив, как холодеет взгляд Су Мо, засуетился. — Да вам вдвоём нормально будет! Тебе пофиг на всех, ему пофиг на всё. Идеальная пара.

— Ладно, Лян, давай на диване перекантуемся, я с тобой лягу, — сдался Су Цзинь.

Су Мо одарил парочку тяжелым взглядом и ушел в спальню Хань Дуна. Комната была просторной, кровать — мягкой. Он немного посидел на краю, потом скинул куртку, улегся с самого края и укрылся своей же одеждой, не притрагиваясь к чужому одеялу.

Этот год выдался дождливым. Ранним утром в окно снова застучали капли. Су Мо всю ночь

снились кошмары: будто его заперли в тесном шкафу и нечем дышать. Он проснулся совершенно разбитым.

Едва разомкнув веки, он едва не подскочил от ужаса. Прямо у его лица была лохматая голова Хань Дуна, который во сне уткнулся ему в грудь. Хань Дун крепко обнимал его, закинув ногу сверху — неудивительно, что снилась духота.

Су Мо вскипел. Он со всей дури хлопнул Хань Дуна по макушке. Тот подпрыгнул, мгновенно вылетая из сладкого сна.

Сев на кровати, Хань Дун яростно уставился на него:

— Ах ты паршивец, ты чего дерешься?!

«Сволоочь, ты на себя посмотри!» — Су Мо и не думал остывать. Он пнул его ногой, но лодыжка тут же оказалась в стальном захвате Хань Дуна. Как ни дергайся — не вырвешься.

Тогда он замахнулся второй ногой, но для Хань Дуна эти удары были как слону дробина. Он поймал и вторую ногу.

— Ну всё, успокоился? — голос Хань Дуна смягчился.

Су Мо перестал брыкаться и обиженно отвернулся. Хань Дун разжал пальцы и внезапно заметил, что на бледной, нежной коже парня остались красные следы.

Хань Дун хмыкнул и накинул на него одеяло:

— Рано ещё, поспи. А я пойду за говяжьими лепешками «хошао».

Он начал слезать с кровати, и Су Мо невольно засмотрелся на его крепкое, мускулистое тело. Взгляд скользнул ниже — под трусами Хань Дуна красовалась внушительная «палатка». Утренняя эрекция во всей красе.

Су Мо поспешно натянул одеяло до самого носа.

— Кстати, дело есть, — Хань Дун обернулся у двери. — Мне в школу надо, а рука пока не рабочая. Ты не мог бы приходить иногда прибираться? Ну и лапши там купить, еды какой простой, чтобы я сам мог приготовить. Я заплачу, не обижу. Как рука заживет — приставать не буду. Брат твой не вариант, ему тоже учиться надо.

Су Мо подумал и, решив, что парень просит по-человечески, кивнул. Хань Дун довольно

оскалился:

— Вернусь — дам тебе дубликат ключей. Заходи когда хочешь. И родителям скажи — если помыться надо, пусть приходят, мне не жалко.

Су Мо снова кивнул.

— Пошел я, — Хань Дун уже вышел, но тут же просунул голову обратно. Его лицо расплылось в наглой ухмылке: — Слушай, маленькая красавица... А кожа-то у тебя реально белая-белая.

Не дожидаясь, пока в него прилетит подушка, он с хохотом захлопнул дверь. Су Мо остался один, чувствуя, как лицо заливают краска.

Паршивец!

<http://bllate.org/book/17506/1657017>